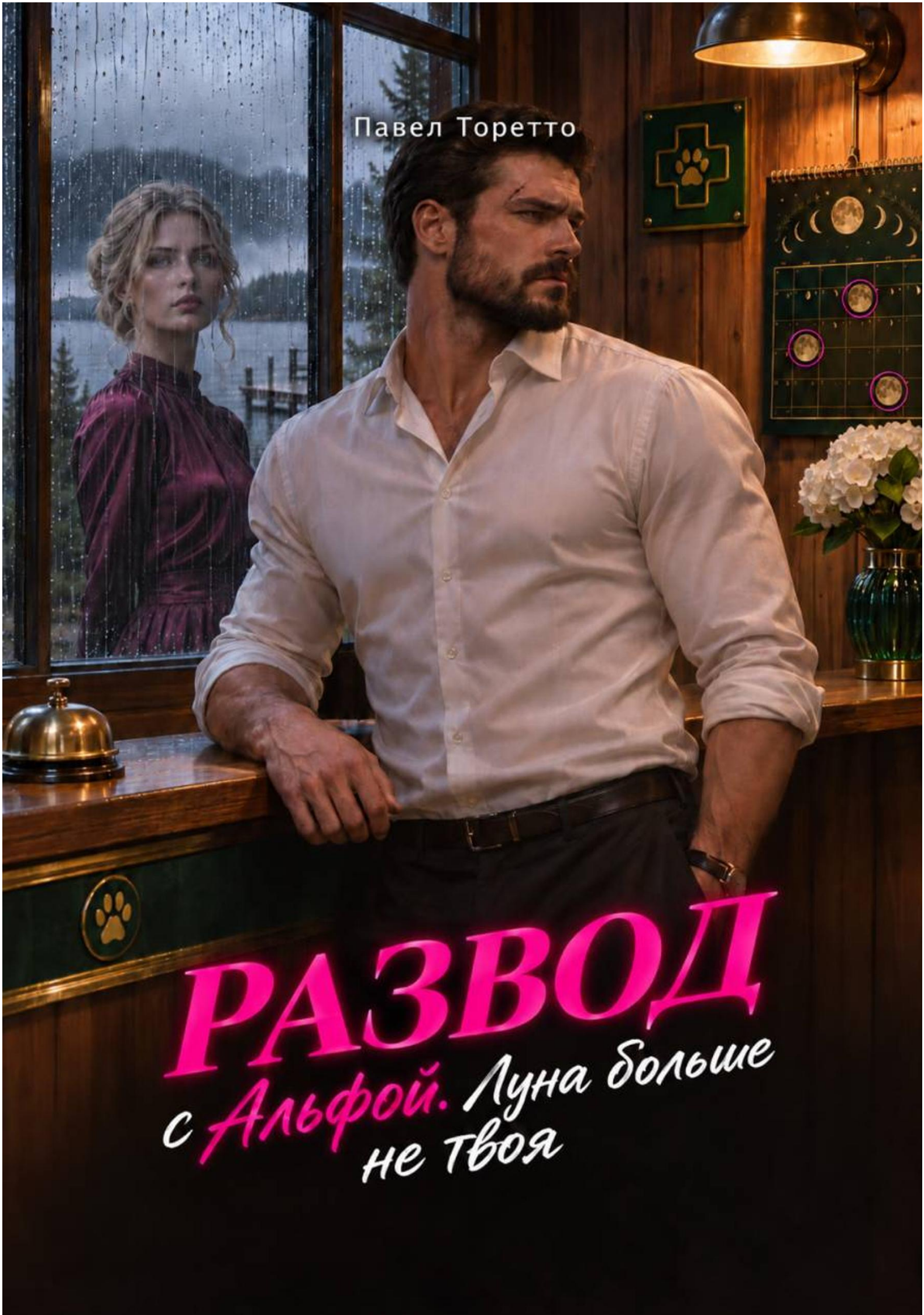
Павел Торетто
РАЗВОД
с Альфой. Луна больше не твоя

Павел Торетто

Развод с Альфой.
Луна больше не твоя

«Автор»
2026

Торетто П.

Развод с Альфой. Луна больше не твоя / П. Торетто — «Автор», 2026

«С сегодняшнего дня Луна стаи Виталина. Василина, сними метку».Десять лет я была Луной стаи «Онега». На сходе муж, Альфа Ярополк, при всех объявил, что его истинная пара займёт моё место. Я сняла метку сама, чтобы он не сорвал её силой, и ушла в комнату над клиникой с одной сумкой.В первое же полнолуние стая потеряла связь. Клинику бойкотируют, деньги тают, и все винят меня. Единственная, кто смотрит на меня без злобы, это молодая Виталина, и она почему-то вздрагивает от каждого моего слова.Мне предлагают вернуться и молчать. Но метка ложится только по доброй воле, а воли у меня на это нет.Я считаю дни и пытаюсь доказать себе, что чего-то стою и без титула.Рядом со мной оказался Корней, изгнанный лесник с дурной славой. Он спокойно говорит правду и ставит чайник, когда я злюсь.Вот только кто подсыпал моему мужу туман и почему Совет стай так торопится забрать наш мыс на Онежском озере?

© Торетто П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сними метку 5
Глава 2. Теперь мы оба без стаи 10
Глава 3. Они не слышат друг друга 15
Глава 4. Собака съела пробку 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Павел Торетто
Развод с Альфой. Луна больше не твоя

Глава 1. Сними метку

– С сегодняшнего дня Луна стаи Виталина. Василина, сними метку.

Я стояла у костра в старой рубашке, которая пахла хлоргексидином, и ещё секунду думала, что ослышалась. Я, Василина Северова, десять лет была Луной этой стаи, завтра нам с Яруполком исполнялось ровно десять лет брака, вокруг огня сидели сорок волков, которых я лечила от клещей, от вывихов и от глупости, и мой муж сказал это при всех, ровным голосом, каким объявляют, что баня сегодня не топится. Виталина стояла рядом с ним, тонкая, белая, как свежая простыня, и кусала губы так, словно хотела их съесть, чтобы не пришлось отвечать.

Фрол разглядывал свои сапоги с таким вниманием, будто нашёл в них что-то важное. Огонь трещал, из-за камня тянуло озёрной сыростью, и было слышно, как где-то на турбазе хлопнула дверца машины. Больше не было слышно ничего. Сорок человек умеют молчать удивительно громко.

Я искала в этом молчании хоть одного, кто поднимет голову. Рослый парень из третьей семьи, которому я в мае вправляла плечо, вертел в пальцах щепку. Две тётки с причала, которым я каждую зиму выписывала мази для суставов без очереди, сидели рядышком, плечом к плечу, и делали вид, что обсуждают друг с другом что-то очень важное. Даже дети, обычно носившиеся у костра, притихли, потому что взрослые вдруг стали пахнуть страхом, а страх волки чуют раньше слов. Никто не поднял голову. Я это запомнила, как запоминают номер машины, которая тебя сбила.

– Яруполк, – я даже улыбнулась, – хм, ты хоть скажи, за что, а то я как кошка на приёме: несут, а куда, не объясняют.

– Истинная, – он не поднял глаз. – Против этого не идут, Лина.

– Ой, Вася… – тихо ахнула за моей спиной Устинья, и я услышала, как у неё звякнула цепочка от очков.

Я вдохнула дым и почувствовала, как горят уши. Завтра у меня в девять кастрация кота, подумала я совершенно некстати. Кот не виноват, хозяйка уже внесла предоплату, и кто-то должен ему объяснить, что жизнь продолжается. Мысль была такая нелепая, что я ухватилась за неё, как за поручень в автобусе.

– Неделю, – сказала я, и голос у меня почему-то не дрогнул. – Она живёт у нас неделю, Яруполк. Ты неделю ходил по дому, как по минному полю, а я, дура, ставила тебе валериану и думала, что у тебя проверка из пожарной инспекции. Ты мог сказать мне это дома. Хотя бы дома, за кухонным столом, где я бы швырнула в тебя половником и мы бы оба почувствовали себя людьми.

– Дома ты бы начала спорить, – ответил он, и по тому, как у него дёрнулся шрам над бровью, я поняла, что он готовился к этому разговору и репетировал его, но роль ему досталась хуже, чем он рассчитывал. – Здесь стая. Стая должна знать, кто её Луна. Не делай из этого цирк!

– Цирк? – переспросила я. – Цирк, Яруполк, это когда жену увольняют у костра, пока она держит в руке ложку с картошкой, которую для вас же и пекла.

Кто-то из молодых волков нервно хмыкнул и тут же осёкся. Виталина вздрогнула.

– Лина, ну хватит, – негромко добавил он и шагнул ближе, так что я почувствовала запах его одеколона и дыма. – Не здесь, не при людях. Давай по-хорошему. Ты умная женщина, ты понимаешь, что это не про тебя. Это судьба, а с судьбой не спорят.

– Судьба, – повторила я. – Ты знаешь, Ярополк, я каждый день вижу, как хозяева говорят «судьба», когда не хотят платить за операцию. Обычно за этим стоит просто удобство. Но ладно, давай считать, что у тебя судьба, у меня годовщина, а у стаи ужин остывает.

Он поморщился, будто я наступила ему на больную мозоль, и отвернулся к огню. Я перевела взгляд на неё, и мне на секунду стало её жалко, настолько она выглядела так, будто стоит на льдине и ждёт, пока льдина решит, что делать дальше. Она подняла на меня глаза, раскрыла рот и ничего не сказала.

– Гхм, – раздалось с края круга, и все головы повернулись к маленькой женщине в белом платке, которая опиралась на можжевеловую палку. Агафья поднялась с бревна медленно, как поднимаются люди, знающие, что им придётся говорить неприятные вещи. – Э-э, Ярополк, ты погоди. Дочка, ты тоже погоди. Я хранительница, и вот что я вам скажу, потому что больше некому. Луну стая принимает, слышишь? Принимает, а не Альфа назначает, как кладовщика. И метка ложится по доброй воле женщины, при ясной голове Альфы, и ещё чтобы стая…

– Агафья Саввична, – перебил Ярополк, и по голосу было понятно, что он даже не повысил тон, а просто положил на её слова тяжёлую ладонь. – Спасибо. Мы всё знаем. Сядь.

Она ещё мгновение постояла, глядя на него поверх палки, потом опустилась обратно на бревно, и я увидела, как у неё мелко дрожит рука. Никто не возразил. Фрол всё так же изучал сапоги, а Устинья всхлипнула и закрыла рот ладонью. Вот тогда я и поняла самое главное. Я знала Ярополка десять лет и точно знала, что будет, если я скажу «нет»: он вспомнит, что Альфа может сорвать метку силой, при всех, у камня, и это будет больно, и позорно, и стая опять промолчит. Сорок человек уже сидели молча и вполне освоились.

Ну нет, подумала я. Если меня решили снимать, как картину со стены, то я сама возьму гвоздодёр.

– Хорошо, – сказала я громко, чтобы услышал каждый. – Я сниму. Только не здесь, у костра, где ты хочешь, чтобы я рыдала на камне. Идём к воде, как положено, и давайте сделаем это по обычаю, раз уж вы так любите обычаи.

По тропинке к Волчьему камню меня никто не вёл, я шла сама, босиком, потому что кроссовки оставила у костра, а возвращаться за ними было глупо. Песок был холодный, сосновые иголки кололись, и в какой-то момент я с изумлением обнаружила, что считаю шаги, как считают шаги по палате с тяжёлым больным. Двадцать, двадцать один. Камень стоял на конце мыса, огромный, мокрый от вечерней росы, и над ним висела половина луны, жёлтая, как нечищеная репа. Онега за ним была чёрная и тихая. За спиной слышалось, как стая идёт следом, шорох, дыхание, чей-то детский шёпот, который тут же заглушили.

Я вошла в воду по колено. Она оказалась такой холодной, что у меня заломило кости, и я подумала, что у любого уважающего себя ветеринара на этот случай есть правило: сначала дыши, потом думай. Я дышала. Ярополк остановился на берегу, рядом с ним встал Фрол, чуть в стороне Виталина, обхватив себя за локти.

– Отдаю луну стае, – сказала я.

Слова вышли короткими, а ответ пришёл не сразу. Сначала под левым ухом, там, где десять лет жил серебристый след, потеплело, потом резко потянуло, как тянет из зуба нерв, и вдруг стало тихо. Не просто тихо, а так, будто кто-то выключил звук, который я привыкла не замечать, как не замечают холодильник. Сорок голосов, сорок тёплых пятен на краю сознания, сорок лёгких тянущих нитей, которые я каждый день перебирала, не думая, исчезли разом. Я покачнулась, вода плеснула о колени, и в лицо ударил запах озера, ничем не разбавленный, чужой и огромный. Я стояла в воде совершенно одна.

– Ох, – выдохнул кто-то на берегу.

Я вышла, не оглядываясь, подобрала с камня свои кроссовки, которые кто-то заботливо принёс, и пошла мимо костра. Виталина шагнула в сторону, пропуская меня, и прошептала: «Простите», так тихо, что я, наверное, должна была не расслышать. Я расслышала. Но ответить

мне было нечего, потому что в ту минуту слово «простите» было для меня просто звуком, как звук упавшей ложки.

Дом Альфы стоял на краю турбазы, с тёмными окнами и высоким крыльцом, на котором я десять лет вытирала ноги. Внутри пахло деревом, копчёной рыбой и немного той самой валерианой. Я достала из шкафа в коридоре сумку, которую берут на два дня в Петрозаводск, и стала складывать в неё всё подряд: джинсы, три футболки, зарядку, тёплые носки, паспорт, диплом в синей папке, потому что диплом, чёрт возьми, мой. Ветеринарный чемоданчик стоял у двери, где я всегда его оставляла, потому что в этом доме ночью обязательно кому-нибудь становилось плохо. Я проверила, на месте ли фонендоскоп. Дурацкая привычка, но руки хотели хоть что-то держать.

Кольцо я сняла над кухонным столом и положила рядом с ключами. Оно оставило на пальце белую полоску, и под ней кожа была тонкая, как у человека, который долго лежал в гипсе. Я покрутила ключи в пальцах, прежде чем выпустить, и услышала, как тонко звякнул брелок в виде деревянной рыбки, который Ярополк привёз из какой-то поездки. Раньше я ни разу не замечала, какой он дурацкий, этот брелок, зато теперь разглядела каждую чешуйку, вырезанную неумелой рукой. Я выложила ключи рядом с кольцом аккуратно, брелоком вверх, чтобы он сразу понял, что это не оплошность. Я постояла, стараясь не думать, что здесь, на этой клеёнке с мелкими васильками, мы десять лет назад ели пирожки в первое утро после свадьбы.

Сумка получилась неожиданно лёгкой, и меня это обидело больше всего. Десять лет жизни, а влезло в одну сумку, и ещё место осталось. На холодильнике висел магнит с подковой, который мне подарила Устинья на пятую годовщину, и я хотела его взять, но потом решила, что магнит пусть остаётся, ему всё равно. Я вымыла свою кружку, поставила её на сушилку донышком вверх и сама удивилась, что мою посуду в таком положении. Привычка, ничего не поделаешь: ветеринар оставляет за собой чистый стол, даже когда уходит с места катастрофы.

Он вошёл в кухню без стука, как входил всегда. Снял куртку, повесил её на спинку стула, потом, видимо, сообразил, что вешать куртку в такой момент нелепо, и повесил обратно на крючок. Он выглядел не злодеем, а очень усталым мужиком, которому слишком долго не давали выспаться. Борода растрёпана, шрам белый, плечи тяжёлые.

– Лина, – сказал он, – я не хотел так.

– Ты хотел как, Ярополк? Чтобы я вежливо встала, поблагодарила за десять лет и принесла вам всем чаю? – Я застегнула молнию на сумке, и она взвизгнула. – Извини, поздно, чай кончился.

– Я её почуял, – он потёр лицо ладонью. – Понимаешь? Просто почуял. В первый же день, когда она вышла из машины. Это не выбор. Я не мог…

– Ох ты ж, – перебила я. – Ты мог! Ты мог зайти в дом и сказать мне, а не ждать, пока соберутся сорок свидетелей. Но ты не про это пришёл, да? Ты пришёл проверить, не буду ли я по дороге громить мебель. Не буду. Мебель, между прочим, тоже казённая, как и я.

Он дёрнулся, будто я его ударила, хотя я даже не повысила голоса. Я взяла чемоданчик, перекинула ремень сумки на плечо и пошла мимо него, и на пороге он вдруг тихо, по-мальчишески, спросил:

– Тебе есть куда?

– Я переведу тебе денег, – добавил он быстро, будто боялся не успеть. – На первое время. И машина твоя, ты же знаешь, «Нива» всегда была твоей. Только скажи, что тебе надо, и я всё…

– Ярополк, – я наконец обернулась. – Ты сейчас пытаешься откупиться, или тебе просто неловко стоять и молчать? Если неловко, попей воды. Если откупиться, то не трудись: стая, видишь ли, у меня уже была, а теперь, оказывается, не было. Так что давай без бухгалтерии. Я сама разберусь, куда мне идти и что мне надо.

Он открыл рот, закрыл его и опустил глаза. Из всей этой сцены больше всего мне запомнилось именно это: он правда выглядел человеком, которому тоже плохо. Только плохо ему было так, как бывает псу, который слопал со стола пирог и теперь не понимает, почему хозяйка плачет.

– Хм. Есть, – сказала я, не оборачиваясь. – Семь лет у меня есть клиника, Ярополк. Я просто как-то забыла, что мне есть куда ехать. Спасибо, что напомнил.

Сердце колотилось так, что отдавало в зубы, но слёз не было. Слёзы, я знала, придут потом, когда я останусь одна, потому что при нём я плакать не стану. Это единственное, что я ещё могла ему не отдать.

«Нива» стояла на гравийной площадке перед домом, тёплая от дневного солнца. Я бросила сумку на заднее сиденье, села за руль и выехала на дорогу, которая шла вдоль воды. Фары вырывали из темноты кусты, камни, чьего-то кота, перебегавшего дорогу. Через километр я не выдержала, свернула на обочину, заглушила мотор и положила лоб на руль. Вот тогда и пришло. Я плакала громко, некрасиво, по-коровьи, с соплями и всхлипами, и колотила ладонью по приборной панели, так что гудели старые пластиковые накладки. Я плакала за десять лет, за рубашки, которые я гладила, за зимние ночи, когда ездила шить волков по метели, за то, что когда Агафья пыталась сказать правду, ей зажали рот, а сорок человек просто смотрели в огонь.

Потом я вытерла нос рукавом, потому что платок остался в сумке, и вдруг рассмеялась. Просто мне пришло в голову, что завтра в девять у меня кастрация кота. Что я Луна и, получается, бывшая Луна, а кот останется котом, и ему совершенно всё равно, кто там у кого истинный. Что ветеринар, который рыдает на обочине в рубашке с хлоргексидином, выглядит как реклама какого-нибудь курса по самопомощи. Я смеялась до икоты, вытирала глаза и повторяла вслух: «Ну-у, Северова, ну ты даёшь». Раньше по такому поводу полагалось звонить маме, но мама в Мурманске, у сестры, и в одиннадцать вечера ей лучше было не знать.

Была ещё одна мысль, которую я пока не пускала в голову. Корней, подумала я неожиданно, вот так же стоял тогда на мысу, шесть лет назад, и стая точно так же смотрела в огонь. Изгнанный бета, о котором в посёлке шептались, что у него дурной нрав и что он сам виноват. Я тогда была Луной, я могла сказать хоть слово. Я промолчала. Я отогнала эту мысль, потому что на сегодня у меня уже не осталось места.

Потом я нашла в бардачке пачку влажных салфеток, которые держала для хозяев после прививок, и долго, обстоятельно приводила лицо в порядок, глядя в зеркало заднего вида. Глаза распухли, нос блестел, коса растрепалась, и на щеке обнаружилась полоска сажи от костра. Я стёрла её и сказала своему отражению вслух, строго, как говорю хозяевам, которые тянут с лечением: «Так, Василина Игнатьевна. Сейчас мы поедем, поспим, а утром разберёмся, что у нас с диагнозом». Отражение согласилось. Оно было не в том положении, чтобы спорить.

Посёлок спал. На Лесной, 7, в окне у Капитолины горел голубой свет телевизора, и я старалась не греметь ключами, поднимаясь на крыльцо. Внизу, в приёмной, пахло линолеумом, дезинфекцией и немного кошками, и этот запах оказался таким родным, что я на минуту привалилась плечом к стене. Лунный свет лежал на полу квадратами, на стене висел календарь с обведёнными красным днями приёма, на столе стоял мой стационарный телефон с налипшей на трубку шерстью. Я вдруг подумала, что это единственное место в мире, где мне никто ничего не должен, и я никому.

В стационаре, в нижней клетке, спал чей-то послеоперационный кот, и я на цыпочках проверила его: дыхание ровное, слизистые розовые, капельница на месте. Устинья оставила записку на листке из блокнота: «Вася, всё по графику, спи спокойно». Я прочитала эту записку три раза. Спи спокойно, написала Устя утром, и ей даже в голову не могло прийти, как это прозвучит вечером. Я погладила кота по тёплому боку, и он пошевелил усами, не открывая глаз. Хоть кто-то в этом мире сегодня не требовал от меня объяснений.

Наверху была комната в четырнадцать метров с диваном, плиткой и окном на огороды. Я закинула на диван сумку и села рядом, не включая свет. В висках стучало, ноги были мокрые и липкие от озёрной воды, а под левым ухом, там, где десять лет жила метка, кожа казалась голой и холодной, как после бритья. Я потрогала это место пальцами и ничего не нашла.

Я открыла окно. Тянуло дымом чужих бань и мокрой травой, где-то лениво лаяла собака, и этот лай был просто лаем, обыкновенным, без единого ответа в моей голове. Над Онегой висела половина луны, и впервые за десять лет ни одна её половина не была моей.

Глава 2. Теперь мы оба без стаи

Утром под окном заорала коза, и не просто заорала, а с таким выражением, будто её режут, хотя резать там было некого. Я лежала на диване лицом в подушку, которая пахла чужой стиркой, и не сразу сообразила, где нахожусь. Потом внизу, во дворе, раздался голос Капитолины Мартыновны, зычный, почтальонский, привыкший пробивать лай всех собак улицы:

– Маруська, паршивка! Опять прищепки! Ты у меня их все схомячила, а бельё теперь чем держать, душой?

Суббота, второе августа. Десять лет назад в этот самый день я стояла у Волчьего камня в белом платье, которое жало под мышками, и слушала, как Ярополк обещает мне всё на свете. Я перевернулась на спину, уставилась в потолок с жёлтым пятном, похожим на карту неведомого острова, и подумала, что годовщины бывают разные. Эта, по крайней мере, начиналась с козы, а не с поздравительной открытки от свекрови.

Я сунула ноги в тапки, подошла к окну и распахнула створку. Во дворе, между грядками с укропом, стояла Капитолина Мартыновна в халате с ромашками и с бусами из янтаря на шее, как всегда, потому что бусы она не снимала даже ночью, по-моему. Коза Маруся стояла напротив и сосредоточенно жевала нечто деревянное, глядя на хозяйку жёлтыми прямоугольными глазами. Верёвка с бельём висела мокрой лентой, и простыни свисали до земли.

– Доброе утро, Капитолина Мартыновна, – сказала я. – Что, опять диверсия?

– Ох, Василиночка, проснулась, голубка! – Она задрала голову и сощурилась. – А я тебя не будила, только вот эта зараза орёт. Слушай, ты вчера вернулась затемно, я слышала, как ты с сумкой по лестнице топала, ты куда это, в отпуск?

Я открыла рот, чтобы соврать что-нибудь про ремонт, потом поняла, что устала врать, ещё не начав, и сказала как есть:

– Меня муж выгнал, Капитолина Мартыновна. Вернее, не то чтобы выгнал. Мы расстались. Я пока поживу наверху, если вы не против, платить буду как раньше.

Она замерла с прищепкой в руке. Маруся воспользовалась паузой и дёрнула из её кармана платок. Капитолина Мартыновна вернула платок отработанным движением, не отводя от меня глаз, и спросила уже тише, без зычности:

– Это Ярополк, что ли, Ракитин? Директор который? Господи, да он что, с ума сошёл?

– Видимо, у него такая форма отпуска, – сказала я, и мне показалось, что она хмыкнула.

– Батюшки, ну и дурак, – Капитолина Мартыновна решительно воткнула прищепку в верёвку, хотя на ней уже висели две. – Ты слушай меня, я тридцать лет почту носила, всякое повидала. Если муж выгнал, значит, дурак, а дураки не лечатся, как ни уговаривай. Ты вон какая: клиника, руки золотые, всю округу выхаживаешь. Это он без тебя пропадёт, помяни моё слово. А ты поднимайся, я тебе оладушек напеку. С творогом, как ты любишь.

– Капитолина Мартыновна, вы же знаете, что я люблю с вареньем.

– Ну, с вареньем. Одна беда: ты вечно такая тонкая, что оладушек сквозь тебя пролетит. Иди умывайся.

Она ушла, ворча на козу, а я осталась у окна, чувствуя, как в груди медленно становится теплее. Человеческий взгляд на мой развод оказался на удивление простым: муж дурак, оладьи с вареньем. Для волков это был вопрос судьбы, закона и луны, а для Капитолины просто вопрос о том, как выжить женщине, которой не хватает масла в сковородке. Я вдруг подумала, что, пожалуй, мне здесь повезло больше, чем я заслужила.

***

В клинику я спустилась к девяти, потому что приём никто не отменял, а кот с вчерашней операции требовал внимания. Устинья Родионовна уже была на месте, в белом халате, который

сидел на ней, как на трамвае. Она стояла у стола и подписывала журнал, а когда я вошла, поправила очки на цепочке и посмотрела так, что мне сразу захотелось сбежать обратно наверх.

– Вася, – сказала она. – Васенька. Ой.

– Устя, только не начинай, – попросила я. – Если ты сейчас заплачешь, заплачу я, а у нас в десять йоркширка на кардиограмму.

– Да я не плачу, я просто… – Она шмыгнула носом, прижала ладонь ко рту и вдруг разревелась, громко, с подвыванием, как реветь умеют только крупные добрые женщины, у которых за спиной сорок пять лет и сын-подросток. – Это же уму непостижимо! Десять лет! Ты десять лет их всех на себе таскала! Моего Акима от пневмонии вытаскивала, помнишь, ночью, в метель, а он, этот твой Ракитин, у всех на глазах, при всех, как будто ты… как будто ты вещь!

– Устя, милая, держи салфетку.

– Я не хочу салфетку! – Она всё-таки взяла салфетку и громко высморкалась. – Завтра ведь они её у костра примут. Все эти, наши. Все, как бараны, пойдут и скажут: «Луна, принимаем». А я стою и думаю: ну куда деваться, а? Против Альфы никто не пойдёт, ты же знаешь, у него стая в кулаке. Агафью вон оборвал, а она, между прочим, хранительница. Вот ведь, тьфу!

Я обняла её, и она уткнулась мне в плечо, пахнущая детским кремом и хозяйственным мылом. Я гладила её по спине, смотрела на календарь на стене, где в субботу, девятое, пока ещё ничего не было обведено, и думала, что, наверное, должна сказать что-то мудрое, как положено хозяйке стаи. Но хозяйки стаи больше не было, была только Вася, у которой на столе стоял кот.

– Устя, – сказала я наконец. – Слушай меня. Я вот что тебе скажу: плачь сколько хочешь, но потом мы идём мыть руки. У нас лежит рыжий кот с послеоперационным швом, у нас в десять йоркширка, в двенадцать собака с ушами, и у меня нет ни малейшего желания смотреть на то, как кто-то там принимает кого-то у костра. Работаем.

– Работаем, – всхлипнула она.

– Работаем. Всё остальное потом.

День пошёл. Пришла хозяйка йоркширки с сумкой на колёсах, потом мужчина с попугаем, у которого что-то случилось с клювом, потом бабушка с кошкой. Все они, к счастью, ничего не знали ни о стае, ни о костре, ни о том, что у ветеринара под левым ухом холодно и голо. И я была им за это благодарна.

В воскресенье утром телефон пикнул на тумбочке. Я лежала с остывшим чаем, не вставая с дивана, и читала сообщение, которое пришло в восемь часов восемь минут: «Заявление на развод подам завтра через Госуслуги. Нива остаётся тебе, документы переоформлю. Не хочу скандала. Ярополк».

Я прочитала это сообщение дважды и в какой-то момент поймала себя на том, что смеюсь. Тихо, в подушку, как будто кто-то мог услышать. Альфа, который раздавал приказы сорока волкам, который мог поднять человека одним рыком, который сам себя назначил властителем мыса, будет сидеть сегодня у ноутбука и вводить в «Госуслугах» код из эсэмэс. Я представила, как он ругается на капчу, и мне стало легче дышать.

Ответила не сразу, пальцы подрагивали: «Хорошо. Подтвержу на своей стороне. Машину принимаю, раз она и так моя. Скандала не будет».

Весь день я работала, а ужинала над раковиной остатками оладий, которые принесла Капитолина Мартыновна, замотанными в полотенце. Они были тёплые, пахли ванилью, и я съела их все, хотя с вареньем так и не получилось.

***

Ночью меня разбудил стук. Не в дверь, а во что-то железное, настойчиво и глухо, как стучат ногой, когда руки заняты. Я босиком спустилась по лестнице, натягивая на ходу кофту, и в приёмной на секунду застыла: за стеклом входной двери кто-то стоял, высокий, тёмный, с чем-то тяжёлым на руках. Лампа над крыльцом высветила седину в висках.

Я открыла. На пороге стоял Корней Ведерников, тот самый, изгнанный бета, о котором в посёлке рассказывали разное. Выцветшая лесная куртка, борода двухдневной давности, глаза усталые и очень спокойные. На руках он держал лайку, большую, серую с рыжим, и лайка, завидев меня, вяло стукнула хвостом по его локтю. Задняя лапа у неё была чем-то перемотана, и сквозь тряпку проступала тёмная кровь.

– Простите, что ночью, Василина Игнатьевна, – сказал он негромко. – К вам по-другому не попасть: у вас на двери табличка про приём до шести, а по лесу вокруг, как выяснилось, у собак беда случается именно после шести. Это Дым. Он попал в петлю у старой лесопилки, и я, признаться, не рассчитывал, что вы вообще мне откроете.

Я посмотрела на лапу и всё остальное из головы вылетело. Бывший бета, стая, шесть лет, мои неловкие мысли, всё это просто ушло, как уходит вода в песок.

– Несите в операционную, – сказала я. – Прямо, потом налево, свет там включается слева. Ставьте на стол, только осторожно, не дёргайте, я сейчас вымою руки. Как давно это случилось?

– Часа три назад. Я нашёл его по вою, ещё засветло, но стемнело, пока я освобождал лапу. Трос там такой, что кусачками еле берётся.

Он пронёс Дыма через приёмную так бережно, будто нёс спящего ребёнка, и положил на стол, придерживая голову. Лайка заскулила, потом облизала ему запястье. Я быстро надела перчатки, включила лампу, размотала тряпку и присвистнула, потому что рана была страшной на вид, хотя кость осталась цела. Стальная петля прорезала мышцу, ободрала кожу до бледного, и вокруг всё распухло.

– Так, красавец, – сказала я собаке и погладила её по лбу, – сейчас будет неприятно, но потом ты нам ещё спасибо скажешь. Корней Тихонович, держите его за морду и разговаривайте с ним, как вы умеете. Мне нужно, чтобы он не рвался.

– Умею, – ответил он. – Вернее, умею как раз с этим. Дым, слышишь, дружище? Сейчас докторша тебя зашьёт, будешь опять бегать за белками и делать вид, что тебе не страшно. Тихо, тихо.

Он говорил своему псу так, как говорят с человеком, долго и обстоятельно, о белках, о весне, о том, как они вместе пойдут к ручью и никому ничего не расскажут. Я обезболила, промыла рану физраствором, удалила то, что нужно было удалить, и стала шить. Игла шла легко, пальцы делали всё сами, и я вдруг поймала себя на том, что впервые за последние сутки мне спокойно. Рядом дышал чужой мужчина, которого когда-то изгнали из стаи. Шестью годами раньше я как Луна сидела у костра и ничего не сказала.

– Корней Тихонович, – выдавила я наконец, не поднимая головы. – Я должна вам кое-что… В две тысячи девятнадцатом, когда вас…

– Василина Игнатьевна, – мягко перебил он, – вы сейчас держите иглу над живой собакой, и разговор про две тысячи девятнадцатый можно отложить до того момента, когда игла окажется в стерилизаторе. Я никуда не денусь. Мне, как вы понимаете, торопиться теперь некуда.

Я промолчала. Мне было стыдно, и было приятно, что он не позволил мне поплыть в этом стыде. Закончила шов, обработала, наложила повязку. Потом отложила то, что осталось от петли. Корней передал мне её без слов: кусок троса, который он перерезал кусачками, лежал в лотке, блестящий, толстый, плетёный. Я взяла его в руку и повертела.

– Это не браконьерский, – сказала я. – Браконьеры вяжут из проволоки, из того, что под рукой. А тут заводская плетёнка, с клеймом. Видите, здесь, на втулке, стоит маркировка.

– Вижу, – сказал Корней. Он стал смотреть на трос так внимательно, что я забыла, что собираюсь спросить. – Я его, видите ли, тоже заметил. В лесничестве такого не выдают, у браконьеров такого не бывает, потому что он дорогой, а у старой лесопилки, где никто не ходит, его кто-то поставил, и поставил умно. Зачем там петли, я пока не понимаю. Но это не случайность, Василина Игнатьевна.

Мы замолчали. Дым тяжело дышал под наркозом, и в тишине слышно было, как за окном стрекочет сверчок. Я сняла перчатки и заметила, что у меня дрожат руки.

***

Утром в понедельник, четвёртого августа, он всё ещё сидел в приёмной на банкетке, потому что Дым не мог ходить, а оставить его одного Корней, видимо, не решился. Я спустилась вниз с кружкой растворимого кофе, налила вторую и протянула ему.

– Спасибо, Василина Игнатьевна, – сказал он. – Если вы мне скажете, что такой кофе лечит, я поверю, потому что от него точно что-то происходит.

– Он лечит от иллюзий, – ответила я. – Первый глоток отрезвляет, второй настраивает на философский лад.

Он улыбнулся одним уголком рта, и я заметила, что у него есть морщинки у глаз, не от возраста, а от привычки щуриться на солнце. Я села напротив и достала телефон, потому что в 8:40 мне пришло уведомление от Госуслуг: «Супруг подал заявление о расторжении брака. Подтвердите своё согласие». Я прочитала его вслух, потому что Корней вопросительно поднял бровь.

– Ярополк подал заявление, – объяснила я. – Через сайт, представляете? Я думала, он будет сидеть в кабинете и распоряжаться, чтобы это сделал кто-нибудь другой. А он сам.

– Я бы удивился, если бы он поручил это кому-то, – задумчиво произнёс Корней. – Он гордый человек, и ему, по-моему, захотелось сделать хотя бы одну вещь по-мужски, пусть и в интернете. Нажимайте, Василина Игнатьевна. Что тут думать?

Я нажала. Экран мигнул, написал «Заявление принято», и всё. Десять лет, оказывается, заканчиваются одним нажатием, как включение чайника. Я положила телефон на стол экраном вниз.

Потом мы вдвоём вынесли Дыма на крыльцо на подстилке. Корней осторожно опустил его на заднее сиденье зелёной «буханки», которая стояла у забора, словно древний зверь, подложил под лапу свёрнутую куртку и выпрямился, потирая поясницу. Ему было сорок один, но спина у него сегодня казалась старше.

– Лапу не мочить, две недели никакой беготни, ходить только на поводке, – сказала я. – Привезёте через три дня на перевязку. Я записала вас в журнал.

– Привезу, – ответил он. И тут же поправился: – Вернее, привезу обязательно, потому что в этом деле, как мне кажется, привыкать к одному слову не стоит. – Он усмехнулся, и усмешка вышла грустная. – Простите. Занимаюсь тем, что объясняю всем вокруг, почему я не говорю просто «да».

Он потрепал Дыма по загривку. Пёс лениво шевельнул ухом, и Корней вдруг посерьёзнел, повернулся ко мне и заговорил другим голосом, ровным, как у человека, который произносит что-то заранее обдуманное:

– Василина Игнатьевна, мне, наверное, лучше сказать это сразу. Вы знаете, что шесть лет назад я был в стае. Я не прошу ничего, ни слов, ни извинений. Но вы теперь тоже одна, и вам нужно знать. Полнолуние в субботу, девятого. Первое, как вы понимаете, после того, как вы сняли метку. Стая без Луны, Василина Игнатьевна, это сорок испуганных волков, которые забыли, как друг друга зовут, так что в полнолуние держитесь подальше от мыса, – сказал он и почесал Дыма за ухом.

– Они справятся, – сказала я. – У них есть Альфа, есть Виталина, есть метка, пусть и бледная. Агафья знает обряды.

– Хотелось бы, чтобы вы были правы. Только мой опыт говорит, что пустое место после Луны остаётся пустым, сколько бы ни старались его заполнить. Я, конечно, могу ошибаться, я давно не слышу этой связи. – Он посмотрел на меня прямо, спокойно, без жалости. – Одиночкой быть непросто, но у него есть одно преимущество: он перестаёт ждать, что кто-то заметит.

Я хотела что-то ответить, но в горле стало сухо, и ничего подходящего не нашлось. В кармане куртки у него торчала рукоять кусачек, которыми он вчера перегрызал трос, и я вдруг отчётливо поняла, что боюсь за него больше, чем за Дыма. Это было неожиданно и неприятно, потому что я не имела ни малейшего права за кого-то бояться.

Корней сел за руль, повернул ключ, и «буханка» кашлянула, потом чихнула и завелась. Он опустил стекло, и я увидела, как на секунду у него потеплели глаза, и подумала, что, может быть, не все изгнанные звери злые.

– Теперь мы оба без стаи, Василина Игнатьевна. Добро пожаловать, взносов у нас не берут.

Глава 3. Они не слышат друг друга

В субботу, девятого августа, в девять вечера я закрыла клинику на два оборота, повесила на дверь табличку «Приём окончен, дежурный телефон на стекле» и прошла в приёмную, где на стене висел лунный календарь. Красный маркер лежал на подоконнике, там, где я его оставила утром. Я взяла его, сняла колпачок зубами и обвела цифру девять жирным кругом, так, как делала это каждый месяц десять лет подряд. Рука сама знала дорогу, и только когда круг замкнулся, я поняла, что обводить мне теперь нечего: этой ночью мне не придётся ни считать волков у костра, ни держать связь, ни улыбаться Агафье.

Хотя обвела всё равно. Есть привычки, которые держатся крепче любой метки.

Над озером вставала луна, огромная, оранжевая, как переспелая тыква, и такая низкая, что казалось, до неё можно дотянуться с крыльца. Я вышла постоять, и кожа у меня покрылась мурашками. Было тепло, пахло нагретой смолой и свежескошенной травой с соседних огородов, где-то за заборами тихо переговаривались люди, ничего не знающие о том, что эта красивая луна означает сегодня для сорока волков на мысу. Капитолина Мартыновна крикнула мне с крыльца: «Василиночка, ты чай будешь?», и я ответила: «Потом, Капитолина Мартыновна!» Голос вышел странный, сдавленный.

Меня уже начинало тянуть.

Это не передать словами людям, которые никогда не оборачивались. Сначала просто ноют суставы, потом в руках появляется зуд, как будто под кожей перебирают мелкие шарики, потом наваливается жар, и хочется содрать с себя всё и выбежать на воздух. Десять лет в эту ночь меня вела за собой связь: сорок голосов, сорок тёплых нитей, и я, как положено Луне, держала их в голове, перебирала, и от этого оборот был не болью, а просто тихой радостью возвращения. Сегодня нитей не было, и тянуло одну меня, без дороги и без цели, как тянет собаку, которую забыли на привязи.

Я вдохнула, заперла входную дверь, поднялась наверх и стащила с себя одежду. Сложила джинсы на стул, футболку сверху, на цыпочках спустилась по задней лестнице, потому что у Капитолины Мартыновны окно выходило на крыльцо, и вышла через огород в лес.

***

В лесу за огородами было сыро и темно. Я пробежала среди сосен несколько шагов, пока ещё на двух ногах, ощущая босыми ступнями холодную хвою, а потом позволила телу сделать то, что оно хотело. Это длится недолго, мгновение, но в это мгновение мир переворачивается: запахи взрываются, деревья вырастают, ночь вдруг становится светлой, как днём. Я стояла на четырёх лапах посреди ельника, дрожала от возбуждения и слышала всё. Мышь под корнем. Собаку за километр. Далёкий шум воды у причала. Бежать хотелось так сильно, что лапы сами сделали три шага в сторону мыса.

А потом я остановилась.

За соснами, в нескольких километрах, стоял Волчий камень, и там выли волки. Я слышала их не нитями, не связью, а просто ушами. Вой поднимался и обрывался, начинался с одной стороны и подхватывался с другой, но не так, как положено, не хором, а будто сорок человек одновременно пытались позвать друг друга и никак не могли найти. В этом вое была паника, и от неё у меня шерсть встала дыбом вдоль всего хребта.

Нет, подумала я. Я сняла метку, они мне чужие, пусть разбираются сами. Это не мой выход.

Бежать к ним было бы так легко. Просто сорваться, нырнуть сквозь кусты, вылететь на мыс и встать рядом, как раньше. И тогда они, наверное, обрадовались бы, потому что кто-то нужен. А мне что делать потом, когда придёт утро и я опять стану посторонней? Я постояла ещё

немного, обхватив лапами холодную землю, потом развернулась и побежала обратно, на этот раз медленно, огибая коряги, чувствуя, как с каждым шагом внутри становится пустее и тише.

У задней лестницы я обернулась, быстро натянула футболку, джинсы, села на ступеньку и просидела так минут десять, дыша и слушая издалека вой. Руки тряслись, и я не знала, горжусь ли я собой или ненавижу себя.

В 23:40 зазвонил телефон. На экране высветилось «Устя», и я ответила ещё до второго гудка.

– Вася! – Голос у Устиньи был такой, какого я у неё никогда не слышала, высокий, дрожащий, с хрипотцой, будто она бежала или кричала, или всё сразу. – Вася, ой, Васенька, это ужас какой-то! Они не слышат друг друга, понимаешь? Совсем не слышат! Они бегают по мысу, воют, и никто никого не находит! Ходят как слепые, натыкаются, огрызаются! Фрол пробовал всех собрать, но его не слушают, а Ярополк орёт, а Виталина стоит и плачет, и я не знаю, что делать!

– Устя, дыши, – сказала я. – Дыши, пожалуйста. Где ты сейчас? Ты в человеческом виде?

– Я человек, я оборот не стала, мне сегодня нельзя, я Акима хотела удержать, меня аж всю ломает! – Она сорвалась на крик. – Аким убежал, Вася! Он в панике рванул в лес, а там вокруг лесопилки такие овраги…

– Выходи к шлагбауму у поворота, – перебила я, уже поднимаясь. – Через десять минут я там буду. Фонарь есть? Нет? Тогда возьми у Фрола. И ничего не бойся, слышишь?

– Ой, Вася… – всхлипнула она. – Я тебя люблю, ты знаешь?

– Знаю. Идём искать.

***

«Нива» завелась с третьей попытки, я выехала со двора, чуть не задев козу Марусю, которая, оказывается, ночевала у ворот, и погнала по дороге вдоль озера. Фары вырывали из темноты сосновые стволы. Луна поднялась уже высоко и стала бледнее, но не меньше. На шлагбауме у поворота на турбазу, в круге света от жёлтого фонаря, Устинья махала руками, как семафор. Рядом с ней стоял Фрол Лыков, хмурый, в расстёгнутой рубашке, с растрёпанными волосами, и держал в руке большой фонарь. Он подал фонарь Устинье через открытое окно «Нивы» и посмотрел на меня тяжело, будто хотел сказать что-то большое и не нашёл слов.

– Василина, – наконец выдавил он. – Там правда плохо. Ярополк в таком состоянии, что слушать никого не станет. Я не могу уйти, Устя сама попросилась. Ты… ты только береги её.

– Фрол, – сказала я, – ты сейчас вернёшься на мыс, соберёшь тех, кто ещё слышит голос, и просто посадишь у воды. Не заставляй их бегать, не пытайся ничего чувствовать. Пусть сидят, дышат, пересчитывают друг друга вслух по именам. Как детей на экскурсии.

Он кивнул, и по его лицу было видно, что про «по именам» ему в голову не приходило. Устинья забралась на пассажирское сиденье, прижала к груди фонарь, и я тронулась.

До старой лесопилки было километра два от мыса. Мы оставили «Ниву» на заросшей дороге, дальше шла тропа, которую я знала лишь по рассказам Акима, когда он мальчишкой убегал туда ловить ящериц. Я взяла из багажника свой чемоданчик и аптечку, Устя включила фонарь, и мы пошли, цепляясь одеждой за ветки, под вой, который то приближался, то уплывал в сторону.

– Аким! – кричала Устинья. – Аким, сынок! Ау!

Лес не отвечал. Я смотрела на землю, а не на деревья, потому что именно так, по-человеческому, ищут потерявшихся зверей: там сломанная ветка, тут примятая трава, вон клочок серой шерсти на ольховом сучке, а дальше, в мягкой земле, отпечаток большой лапы с растопыренными пальцами. Я присела, прикоснулась к нему пальцем и осторожно потрогала край. Сырой. Недавний.

– Он сюда, – сказала я. – Видишь, как лапа продавила землю? Он бежал быстро, тяжело, потом споткнулся. Устя, держи фонарь на земле, не на деревьях.

– Господи, да откуда ты это всё…

– Я ветеринар, Устя, я только этим и занимаюсь, что читаю следы у собак, которые убегают от хозяев.

Мы прошли ещё метров триста, и впереди за кустами мелькнул другой свет, жёлтый и неровный. Из темноты раздался негромкий, очень спокойный голос:

– Василина Игнатьевна, если вы идёте с миром и с фонарём, то можете не бояться. Если вы идёте с вилами, то вилы лучше оставить дома.

На тропу вышел Корней. В одной руке у него был налобный фонарь, в другой поводок, а у ноги, прихрамывая, шёл Дым с забинтованной лапой, который при виде меня радостно закрутил хвостом. Я невольно улыбнулась, несмотря на всё.

– Корней Тихонович, Дыму нельзя ходить!

– Дым, как вы видите, ходит, – ответил он, и я заметила, что он тоже слегка запыхался. – На поводке, шагом, в строгом соответствии с вашими предписаниями. Он чует парня по запаху лучше меня, и я не мог отказать ему в этой радости. Я услышал вой ещё из дома и решил, что без помощи тут не обойтись. Кроме того, мне показалось, я различил что-то знакомое, вот там, у оврага.

– Мой сын, – выдохнула Устинья. – Это мой Аким. Вы его видели?

– Не видел, а слышал, сударыня. Он скулит. Скулит в стороне от лесопилки, и скулит так, что я могу ошибиться, но, похоже, он в беде. Идёмте, пока он не замолчал.

Мы пошли вместе. Дым шёл впереди, низко опустив нос, иногда останавливался, фыркал и вёл дальше. Мне было странно спокойно оттого, что рядом идёт человек, который не задаёт лишних вопросов и не паникует.

– Вы сегодня не оборачивались? – спросила я тихо, чтобы не слышала Устинья.

– Без нужды нет, – ответил он. – Терплю, хотя к утру за это расплачусь ломотой во всех костях. А вы, судя по хвое в волосах, выходили, но к мысу не пошли. Одиночки замечают такие мелочи, это наша единственная привилегия.

Аким нашёлся в овраге за старой лесопилкой. Фонарь высветил серую шерсть на боку, судорожно поднимающуюся и опускающуюся, большие уши, закинутую голову, и я узнала бы эту длинную нескладную фигуру где угодно. Он лежал в яме между корнями, на левой задней лапе у него затянулась стальная петля, глубоко, до кости, и вся нога была тёмной от грязи и крови. Он перестал скулить, когда увидел нас, только тяжело дышал и смотрел огромными перепуганными глазами.

– Аким! – Устинья бросилась к нему, но я успела её удержать.

– Устя, тихо. Не трогай, не дёргай. Он от боли может укусить, даже тебя. Корней Тихонович, посветите, пожалуйста, вот сюда. Хорошо, держите так.

Я опустилась на колени в сырой мох. Петля была затянута намертво, в точности такая же, как на Дыме: толстый плетёный трос, блестящая втулка, заводское клеймо. Я потрогала узел и поняла, что руками его не снять.

– Кусачки, – сказала я.

– Вот, – Корней уже протягивал мне их рукоятками вперёд. – Вы удивитесь, но я с ними сплю.

– Меня уже ничего не удивляет, – ответила я. – Придерживайте его за плечи, пока я режу. Аким, милый, это я, Василина Игнатьевна. Сейчас будет неприятно, но очень быстро. Устя, говори с ним, не молчи.

– Сыночек, ну потерпи, ну пожалуйста, мама тут, мама с тобой, ты же у меня герой… – бормотала Устинья, гладя его по голове, и слёзы капали на серую шерсть.

Кусачки с хрустом перекусили трос. Аким дёрнулся и заскулил, но тут же затих, и я поняла, что он потерял сознание. Мы с Корнеем осторожно подняли его, вдвоём, потому что

сам по себе этот долговязый волк весил под пятьдесят килограммов, и понесли к машине. Дым шёл рядом, касаясь носом его свисающей лапы.

***

В клинике я работала до рассвета. Сначала обезболила, потом отмыла рану от грязи, обработала, посмотрела кость, которая, к счастью, осталась цела, хотя сухожилие было надорвано. Ассистировала Устинья, светила настольной лампой и подавала инструмент, и пока она работала, лицо у неё было серое и сосредоточенное. Корней сидел в приёмной с Дымом и ни разу не вошёл без стука.

Часа в три Аким пошевелился, и я увидела, как шерсть у него на боку начала светлеть, как под ней показалась человеческая кожа. Оборот в обратную сторону от боли и от слабости, без воли, без силы. Через минуту на столе лежал худой, долговязый семнадцатилетний мальчишка с торчащими ушами, весь в ссадинах и грязи, с повязкой на левой ноге. Он открыл глаза, увидел мать и меня и покраснел так густо, что я чуть не засмеялась.

– Прикройте его, – сказала я Устинье, и она накинула на сына простыню. – Аким, ты меня слышишь? Скажи, как тебя зовут.

– Аким Евгеньевич Пахомов, – прохрипел он, и Устинья всхлипнула. – Василина Игнатьевна, я… Я не хотел так. Я просто испугался. Все вокруг как с ума сошли, я никого не слышу, ничего не слышу, и тут такое… тишина, как будто в голове выключили. Я побежал, а оно как схватит…

– Всё, молчи, – сказала я. – Ты мальчик, а не робот, тебе положено пугаться. Лапа заживёт, правда, хромать будешь. Но не навсегда, если станешь слушаться и не удирать с костылей.

– Мне стыдно, – прошептал он. – Волк, а в петлю попал.

– Ох, Аким, – вздохнула я. – Лучшие волки на свете попадали в петли. Стыдно должно быть тому, кто её поставил.

Он закрыл глаза. Я накрыла его одеялом и вышла в приёмную, где на банкетке сидел Корней, глядя в стену. Дым положил морду ему на колени. Я остановилась на пороге, и он первым нарушил молчание:

– Выживет?

– Выживет. Ходить будет, бегать, наверное, тоже. Но у него надорвано сухожилие, и это надолго. – Я села рядом, потому что ноги больше не держали. – Корней Тихонович, второй трос. Такой же, как у вашего Дыма, одинаковый, с клеймом. Две петли в одном месте за неделю не бывают.

– Не бывают, – согласился он. – Я так думаю, что кто-то поставил их специально, но зачем, не скажу, не знаю. Вы бы эти тросы сохранили, Василина Игнатьевна. На всякий случай.

Я кивнула и убрала оба обрезка в пакет. Было шесть утра, за окном серело, и я думала, что сейчас можно будет лечь хотя бы на час.

Снаружи хлопнула дверца машины. Потом ещё одна.

Я подошла к окну. У крыльца стоял чёрный «Лэнд Крузер» и серый «Хайлакс» рядом. Ярополк вылез первым, огромный, взъерошенный, с тёмными кругами под глазами, в расстёгнутой куртке, и даже на расстоянии я увидела, как у него ходят желваки. Фрол вышел следом, молча, и встал чуть позади. Они поднялись на крыльцо, и тут Ярополк увидел «буханку» у забора. И в окне приёмной, за моей спиной, Корнея.

– Ты, – сказал он, когда я открыла дверь. Он даже не повысил голоса, но в этом тихом «ты» было столько ярости, что Фрол инстинктивно шагнул вперёд. – Он здесь. Этот… этот выродок у тебя в клинике.

– Доброе утро, Ярополк, – ответила я. – Здесь и твой Аким, кстати. Лежит с порванным сухожилием, и если бы не Корней Тихонович, мы бы его до утра не нашли.

Корней вышел на крыльцо, спокойно, не торопясь, с Дымом на поводке. Он остановился на ступеньку ниже, так что Ярополк стоял над ним, и я увидела, как у Альфы сжались кулаки. Фрол тоже напрягся. Мне показалось, что воздух сгустился, как перед грозой.

– Ракитин, – сказал Корней негромко и очень ровно. – Я не за дракой пришёл, и вы тоже, как мне кажется, не за ней. У вас стая сошла с ума, у меня чужой мальчик в петле. Давайте разойдёмся, пока никто не наговорил лишнего. Мне и вам обоим это нужно.

– Убирайся с моей земли, – процедил Ярополк.

– Я на улице Лесной, – так же мирно заметил Корней. – Это земля Капитолины Мартыновны, а не ваша. Но я всё равно уйду. Василина Игнатьевна, Дыма я привезу в среду, как договорились. Берегите себя.

Он прошёл мимо Ярополка, не задев его плечом, хотя ступенька была узкой. Дым, хромая, засеменил следом. «Буханка» кашлянула и завелась, и вскоре за забором затих её дребезжащий звук. Я стояла и смотрела вслед, пока Ярополк не повернулся ко мне. Лицо у него было серое, глаза красные, борода растрёпана, и в первый раз за много лет мне показалось, что он выглядит старше своих тридцати семи.

– Ты, значит, с ним, – выговорил он. – Только неделя, как ушла, а уже с ним.

– Ярополк, у меня на столе твой волк, – сказала я. – Я нашла его в яме с петлёй на лапе, пока ты метался по мысу и срывал голос на своих.

– Мои не слышат друг друга! – Он наконец сорвался, голос взметнулся, и Фрол отступил на шаг. – Сорок человек сидят и воют, потому что ничего не чувствуют! Я ночью не мог найти собственного беты, хотя он рядом стоял! Это не бывало ни разу, Василина! Ни разу за все годы! И что я вижу? Ты на ногах, с этим, в клинике, довольная. Всё сходится.

– Что сходится, Ярополк?

Он шагнул ко мне и выдохнул, почти в лицо, тихо и страшно:

– Это ты сделала, Василина. Ты увела у стаи луну, и ты за это ответишь.

Глава 4. Собака съела пробку

Я стояла на крыльце в окровавленных перчатках, которые забыла снять, и держала в руке кружку с кофе, налитым ещё в три часа ночи. Кофе давно остыл и покрылся тонкой плёнкой, но руки без кружки не знали, чем заняться. Передо мной, в двух шагах, тяжело дышал Ярополк, и мне казалось, что от него исходит жар, как от печки, в которой слишком долго не открывали заслонку.

– Ты увела у стаи луну, – повторил он. – И не делай такое лицо.

– Какое лицо, Ярополк? У меня их сегодня штук пять, и все усталые. – Я отпила холодный кофе, поморщилась и поставила кружку на перила. – Давай по порядку. Ты хочешь сказать, что я сняла метку, как ты просил, при сорока свидетелях, по обычаю, и этим самым что-то украла? Я, по-твоему, вынесла луну в сумке? Положила в «Ниву», рядом с чемоданчиком?

– Ты сняла её с обидой, – заговорил он быстро, горячо, глядя куда-то поверх моей головы. – Ты была зла, я видел. Ты не просто отдала, ты отдала со злостью, и вот результат. Агафья тоже говорит, что такие вещи так не делаются. Что это, может, и не из-за…

– Агафья говорит? – Я прищурилась. – Хм. Это та самая Агафья, которой ты на сходе зажал рот? Интересно, что ж она теперь говорит, если ты её не слушал.

Он поморщился. Фрол за его спиной переминался с ноги на ногу и смотрел в сторону. Я вдруг поняла, что разговариваю с ним на повышенных тонах, а ведь за дверью спит раненый мальчишка, и понизила голос:

– Ярополк, давай честно. Я всю ночь ползала по оврагу и резала стальной трос на ноге твоего волка, пока ты искал виноватых среди собственной стаи. Если ты хотел узнать, где Аким, ты мог позвонить Устинье, она вся извелась. Если хотел узнать, кто виноват, то виноват тот, кто поставил там петлю. А я нашла Акима и спасла, хотя имела полное право сидеть дома с чаем и ни о чём не думать.

– Петля, – буркнул он. – Не знаю я ни про какие петли.

– Вот и узнай. Мне некогда.

Он ещё секунду постоял, потом резко развернулся, сбежал по ступенькам и открыл дверцу «Лэнд Крузера». Фрол задержался и тихо, не поднимая глаз, сказал:

– Василина, спасибо за Акима. Правда. Я… ну, в общем.

– Ты, Фрол, в общем, лучше следи, чтобы твой Альфа не наломал дров, пока всё не прояснится, – ответила я. – Увози его.

Они уехали. Над озером поднималось ровное, белёсое утро, и последние клочки тумана рвались о забор Капитолины Мартыновны. Я смотрела вслед чёрной машине и ощущала странную пустоту, как после долгой драки, которая закончилась ничем. Я знала одно: к вечеру по стае разойдётся новость. Ярополк скажет Фролу, Фрол скажет жене лодочника, та скажет сестре, и к воскресенью каждый волк на мысу будет знать, что бывшая Луна с обиды увела у них связь. Я бы на их месте тоже так подумала. Людям всегда проще найти виноватую, чем признать, что у них просто выключили свет.

***

Следующие три дня клиника напоминала вокзал после отмены поезда. Сначала в понедельник утром позвонил один из волков, чей лабрадор три месяца ходил ко мне на уколы, и очень вежливо сказал, что к четырём не придёт и вообще, наверное, пока сам. Потом отменили запись двое с хаски, потом семья из третьего дома, потом ещё кто-то. Я записывала всё в журнал и вычёркивала красной ручкой, пока таблица на неделю не стала похожа на рану после неудачного шва.

– Васенька, – спросила Устинья во вторник, заглядывая в приёмную, – у нас сегодня вообще кто-то будет?

– Будет, – сказала я. – Вон, бабушка с котом.

– Бабушка с котом это по расписанию на пятницу. А сегодня… – Она подняла журнал и показала мне пустые строчки. – Пусто, Вася. Совсем.

Двенадцатого августа, во вторник, в одиннадцать утра, мне позвонили с турбазы. Голос у администратора был любезный и очень официальный, как у человека, читающего с бумажки: договор на обслуживание псарни расторгается в одностороннем порядке в связи с изменением обстоятельств, ветеринарное сопровождение двадцати хаски прекращается с первого числа, претензий стороны друг к другу не имеют. Я поблагодарила и положила трубку. Сорок тысяч в месяц, это почти половина моих постоянных доходов, ушли в телефонную трубку, не оставив даже мокрого пятна.

– Всё, – сказала я Устинье. – Нас больше нет.

– Как нет?

– Так, что нет. Договор с турбазой расторгнут. Хаски нам больше не носят.

Она села на банкетку, вытянула ноги и выдохнула:

– Да что ж такое-то. Они теперь и дальше будут?

Они были и дальше. К вечеру выяснилось, что с турбазы ушли ещё и люди, которые там работали: двое водителей, уборщица, повар. Они, оказывается, были из посёлка, они ходили ко мне с кошками и собаками, но, получается, ходили не ко мне, а к Луне, и теперь им было неудобно. В сельмаге продавщица, которая раньше здоровалась громко и весело, при виде меня занялась ценниками и сказала «что вам» таким тоном, словно я пришла просить в долг. Я купила молока, хлеба и пачку геркулеса, расплатилась мелочью и вышла.

Устинья держалась, но ей доставалось. В среду она пришла на работу с красными глазами, и я сразу поняла, в чём дело.

– Что говорят?

– Предательницей зовут, – сказала она, снимая куртку. – Одна тётка у колодца при мне плюнула. Я, говорит, думала, ты приличная женщина, а ты у этой… этой ходишь, пока её, видите ли, стая гонит. – Устинья выпрямилась, и на секунду очки блеснули, как два прожектора. – Я ей сказала: у меня ставка тридцать тысяч и сын с порванной ногой. Пусть этот колодец сам себя гонит.

– Устя, может, тебе лучше…

– Не вздумай! – Она подняла на меня глаза, и они стали яростными. – Не смей говорить, что мне лучше уйти. Я не уйду, Вася. Я, конечно, трусиха по жизни, но ты меня не прогонишь. Давай лучше чайник поставим.

Я поставила чайник. Мы сидели вдвоём в пустой приёмной, пили чай из кружек с котами, и она рассказывала, что Аким с утра пытался встать на костыли, что ходит по дому и ругается, что в школе его ждёт одиннадцатый класс и что ему страшно, потому что в стае теперь все друг другу не доверяют. Волки перестали собираться по вечерам, потому что собираться было незачем: связи нет, все чужие. Обряды не работают, Агафью никто не слушает, а Ярополк ходит по турбазе чернее тучи и срывается на каждого, кто попадётся под руку. Я слушала и не знала, что сказать.

– А деньги-то у тебя есть? – спросила Устинья.

– Сто восемьдесят тысяч было в августе, – ответила я. – Но аренда Капитолине тридцать пять в месяц, твоя ставка тридцать, лекарства, свет. Месяца на два хватит. А там будем думать. Ничего, Устя, у меня есть руки, а ещё есть дальние деревни. Люди тоже болеют своими коровами.

– Ты, Васенька, неисправима, – вздохнула она.

– Я упрямая, это другое.

***

В четверг, четырнадцатого августа, в половине третьего дня, в клинику вошла Виталина. Я сначала её не узнала, потому что она вошла без тех ресниц и той причёски, которые носила на сходе, и в старой серой толстовке с капюшоном выглядела совсем девочкой. Она остановилась в дверях, прижимая к груди маленького рыжего шпица, и я заметила, что у собаки поджат живот, а нос сухой и горячий.

– Здравствуйте, Василина Игнатьевна, – сказала она тихо. – Простите, что без записи. Я знаю, что вы… что вам, наверное, неприятно меня видеть. Но у меня Мармелад, его уже второй час рвёт, и он ничего не ест, и я не знаю, куда ещё, и ветеринар в Кондопоге закрыт, а Ярополк на совещании…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.